

Поздним вечером, когда они уселись перекусить... Да, весь первый день Нового года они бессовестно прошатались по улицам. Цзи Яо со спартанским спокойствием переложил все оправдания на плечи Чжан Хэ. Но стоило ему отключить авиарежим, как телефон в руке зашелся в бешеной вибрации.

Идея была простой: спасаясь от лавины звонков встревоженной матушки и лучшего друга, Цзи Яо еще утром набрал Чжан Хэ, после чего легким движением руки отправил смартфон в глухой авиарежим.

Экран запестрел уведомлениями о пропущенных. Поздравления от знакомых и полузнакомых лиц перемежались откровенно кровавыми угрозами от старого приятеля.

Цзи Яо замер.

«Кажется, мне хана».

Втянув голову в плечи, он решил плыть по течению. С невозмутимым видом насвистывая под нос какую-то мелодию, юноша уставился в чернильное ночное небо, изо всех сил делая вид, что ничего не произошло.

Юй Сьюань покатился со смеху, уткнувшись ему в плечо.

— И почему ты так его боишься? — спросил он, все еще подрагивая от хохота.

Цзи Яо одарил его на редкость многозначительным взглядом:

— А ты своего дражайшего кузена не боишься, что ли?

Юй Сьюань мгновенно притих. Поникнув, он принялся уныло пересчитывать палочками арахис в тарелке. Еще днем вся семья собиралась ехать в деревню помянуть предков. Цзян Цютун заглянул к нему, чтобы поторопить, и застал лишь живописный кавардак: вещи на месте, а хозяина и след простыл.

Звонок настиг беглеца уже в дороге. Прослышав, что кузен рванул на край света за своим парнем, Цзян Цютун разразился такой виртуозной, изысканно-саркастичной тирадой, что у Юй Сьюаня до сих пор горели уши. Пять минут непрерывного яда — и ни одного бранного слова.

Тогда, примостившись на краю цветочной клумбы, этот здоровый детина сжимался в комок и не смел даже пикнуть в трубку.

И с такой-то трусостью он еще смел подшучивать над Цзи Яо? Тот хотя бы умудрялся

безнаказанно тыкать палочками в ямочки на щеках Чжан Хэ. Сделай Юй Сыюань нечто подобное с кузенком — и Цзян Цютун без лишних слов засучил бы рукава и отделал его так, что родная мать не узнала бы.

Пока они препирались, на стол подали ароматную запеченную рыбу. Юй Сыюань с любопытством вытянул шею, поудобнее перехватил палочки и довольно заулыбался:

— Выглядит аппетитно. Эй, ты чего там завис?

Цзи Яо задумчиво разглядывал экран, лицо его приняло странное выражение.

— Да так, читаю одно сообщение.

Юй Сыюань уловил эту перемену и скептически приподнял бровь:

— От Вэнь Линя?

— Нет, — покачал головой Цзи Яо, — от моего преподавателя.

Входящих накопилось столько, что разгребать их пришлось минут десять. Среди этой праздничной лавины он внезапно обнаружил сухое, преисполненное академического достоинства поздравление от самого Цзян Цютуна.

Слог оставался неизменным: лаконичным, строгим, истинно профессорским. Обычное праздничное пожелание в его исполнении выглядело так, словно он прислал тезисы к годовому научному отчету.

Цзи Яо невольно хмыкнул. Дождавшись, пока Юй Сыюань отойдет к стойке заказать еще закусок, он набрал знакомый номер. Ответ последовал почти мгновенно. Из трубки повеяло ледяным спокойствием, которое резко контрастировало с шумным хаосом вокруг Цзи Яо.

— Брат Цзян, с Новым годом! — весело крикнул он.

Вокруг вовсю грохотали новогодние петарды, уличные зазывалы надсадно орали во все горло, а со второго этажа доносился азартный стук костей маджонга. В этом праздничном гуле расслышать тихий голос собеседника было решительно невозможно, поэтому Цзи Яо просто продолжал громко и воодушевленно сыпать поздравлениями.

В этот момент Цзян Цютун полулежал в постели, откинувшись на подушки с раскрытой книгой. В его спальне, выдержанной в привычных минималистичных тонах, царил полумрак. Лишь бледный лунный свет струился сквозь окно, подчеркивая безупречную пустоту и холод этого пространства.

Их семьи давно привыкли жить на чемоданах и вести бизнес за границей, так что традиция шумно встречать Новый год в этом доме не прижилась. В канун праздника Цзян Цютун, как обычно, поужинал в одиночестве и заперся у себя с книгой. Он собирался лечь спать пораньше, но в последний момент неведомая сила заставила его завести будильник на полночь — только ради того, чтобы отправить короткое сообщение Цзи Яо.

За все зимние каникулы они почти не общались. Профессор изводил себя ревнивыми мыслями, гадая, не завел ли этот ветреный мальчишка кого-то на стороне, но гордость не позволяла ему сделать шаг первым.

Все эти дни он держал телефон под рукой, тщетно надеясь увидеть знакомое имя на экране.

Отправляя сообщение, он не рассчитывал на ответ. И уж тем более не думал, что спустя сутки Цзи Яо соизволит позвонить сам. Цзян Цютун нахмурился, но пальцы сработали быстрее разума — он нажал кнопку приема прежде, чем успел себя остановить.

— Слушаю, — отозвался он. Голос звучал ровно, почти равнодушно.

— Брат Цзян! — звонкий, жизнерадостный голос юноши лился рекой, будто они и не расставались на столь минорной ноте.

Сквозь динамик прорывался оглушительный уличный гул. Цзян Цютун поморщился от этого грохота, но поймал себя на мысли, что его собственная тишина внезапно стала казаться невыносимо удушающей.

Он приоткрыл было рот, силясь вымолвить хоть что-то теплое, но замялся. Гордость мешала сдаться, разум противился признанию, однако глупо было отрицать очевидное: он чертовски скучал по этому несносному парню. И плоть, и душа требовали его присутствия.

Цзи Яо, разумеется, и не догадывался о буре, бушевавшей в душе профессора. Решив, что из-за жуткого шума связь барахлит, он быстро выпалил еще пару дежурных фраз и со спокойной совестью нажал отбой.

Цзян Цютун опустил длинные ресницы, тупо глядя на погасший дисплей, и крепко сжал губы. Единственное, что он успел вставить за весь этот редкий разговор — короткое и бессмысленное «слушаю».

Сняв очки, он захлопнул книгу и поглубже зарылся под одеяло. Плотная, мягкая ткань укутала его теплом, но, закрыв глаза, мужчина отчетливо понял: в этом доме действительно слишком тихо.

Пока один изнывал от одиночества на просторной постели, Цзи Яо всюду развлекался с Юй Сыюанем. Они увлеченно резались в «Маленькую пчелу»:

— Летит маленькая пчела, жужжит, на цветочек сесть спешит...

Два взрослых лба, разыгрывающих эту детскую чепуху среди ночи, привлекали немало косых взглядов — прохожие смотрели на них как на умалишенных. Прощатавшись по улицам почти до полуночи, они наконец поплелись в сторону отеля на изрядно ватных ногах. С алкоголем оба явно переборщили.

Зачем влюбленным спаивать друг друга до беспамятства? Пожалуй, в этом и заключалась извращенная романтика их странных отношений.

Оказавшись в номере, Цзи Яо первым делом бесцеремонно запихнул спутника в душ, а сам рухнул на диван, пытаясь хоть немного разогнать хмель. Юй Сыюаню предстояло вылетать ни свет ни заря, так что ему жизненно необходимо было поскорее помыться и лечь спать.

В этот момент зазвонил телефон Юй Сыюаня. Цзи Яо лениво потянулся к трубке и скользнул взглядом по экрану. На дисплее высветилось: «Великий босс Цзян». Цзи Яо на секунду завис. Прозвище показалось смутно знакомым, но хмельной мозг категорически отказывался соображать, кто скрывается под столь пафосным именем.

Извилины ворочались с трудом. Покрутив чужой мобильник в руке, он крикнул в сторону ванной:

— Сыюань! Тут какой-то босс Цзян звонит! Ответить?

Шум падающей воды заглушал всё вокруг. Лишь со второй попытки Юй Сыюань расслышал вопрос и высунул из-за двери мокрую взъерошенную голову:

— Сними трубку, скажи, что я перезвоню через пару минут!

Цзи Яо кивнул и уже занес палец над экраном, но вызов сорвался. Собеседник повесил трубку. Пожав плечами, парень небрежно швырнул телефон на кровать, даже не подозревая, как легкомысленно только что разминулс с грандиозным скандалом.

После душа все посторонние мысли мгновенно выветрились из их голов. Горячая страсть вспыхнула с новой силой, и, измотав друг друга в постели, они заснули глубоким сном в объятиях друг друга.

Утром Цзи Яо проводил любовника на рейс и вернулся домой. Родителей снова где-то носило. На просторном диване в гостиной восседал один лишь Чжан Хэ. Увлеченно гоня виртуальных противников на приставке, он всем своим видом показывал, что терпеливо ждет блудного брата для серьезного разговора.

Цзи Яо остолбенел. Кожу на затылке мгновенно стянуло от нехорошего предчувствия. Не

успев взвесить все «за» и «против», он инстинктивно дернул ручку двери назад, намереваясь немедленно ретироваться.

— Назад, — донесся от дивана спокойный, но не терпящий возражений голос.

Успевший развернуться спиной Цзи Яо зажмурился от бессильной досады. Мысленно проклиная всё на свете, он обреченно поплелся обратно в комнату.

Последовавшая за этим экзекуция оказалась слишком жестокой, так что подробности мы скромно опустим. Когда буря утихла, выяснилось, что у Чжан Хэ была и вполне мирная цель визита. По случаю праздников старые школьные приятели решили устроить дружеский баскетбольный матч. Чжан Хэ предложение принял и теперь пришел узнать, пойдет ли с ними Цзи Яо.

В обычное время друг даже спрашивать бы не стал — просто согласился бы за двоих. Но сейчас ситуация изменилась: в списке приглашенных значился Вэнь Линь.

— Ну так что, пойдешь? — поинтересовался Чжан Хэ.

Цзи Яо замялся. Он неловко взъерошил волосы на макушке и неуверенно пробормотал:

— Пожалуй... схожу.

Договорив, он опасливо покосился на реакцию друга.

Чжан Хэ лишь раздраженно фыркнул:

— И чего ты на меня вылупился? Хочешь идти — иди!

Встречу назначили на вторую половину дня на спортивной площадке их бывшей школы. Путь предстоял неблизкий, и Чжан Хэ по давней привычке вознамерился ехать на велосипеде.

Цзи Яо уже крутил на пальце ключи от машины, собираясь в гараж, но стоило ему увидеть, как Чжан Хэ выкатывает из палисадника двухколесного коня, как его лицо слегка позеленело:

— Слушай, я за последние пару дней... малость поизносился. После матча у меня точно сил не останется крутить педали.

В плане роскоши оба никогда не любили пускать пыль в глаза. На встречи со сверстниками или старыми одноклассниками они принципиально не брали автомобили. В былые времена схема была отработана до мелочей: туда Цзи Яо ехал на багажнике у Чжан Хэ, а на обратном

пути они менялись местами.

Намёк получился слишком уж прозрачным. В голове Чжан Хэ невольно промелькнули подробности бурных приключений брата, отчего его мгновенно перекосило от отвращения. Закатив глаза, он раздраженно замахал руками:

— Да кто вообще собирался тебя везти? Садись в тачку и катись отсюда!

Бросив эту фразу, он с силой нажал на педали и умчался вперед, оставив друга в клубах придорожной пыли.

Цзи Яо уныло посмотрел ему вслед.

«Идеальные родственные отношения, ничего не скажешь».

Тем временем на другом конце страны Юй Сьюань едва успел сойти с трапа, как на его телефон поступил вызов от кузена. Тот сообщил, что уже ждет на парковке аэропорта. Поскольку все старшие родственники уже разъехались, им двоим предстояло держать путь напрямик в родовое гнездо.

Дом в провинции славился своими размерами, но и гостей на праздники съехалось немало. Молодежи отдельных спален не полагалось, поэтому неразлучных кузенов без лишних разговоров определили в одну комнату.

Разместить два тела ростом под метр девяносто на кушетке длиной от силы метр семидесяти оказалось задачей не из легких. Они не могли даже перевернуться на бок, не задев друг друга. Несмотря на близкие отношения, чисто мужское упрямство и инстинкты заставляли их держаться настороже. Сон к Юй Сьюаню не шел. Его так и подмывало вытащить телефон и накатать Цзи Яо парочку двусмысленных сообщений, но близость кузена вынуждала держать себя в руках.

Цзян Цютун тоже не спал. Однако, в отличие от ворочающегося брата, он лежал неподвижно, уставившись в потолок каменным изваянием. Время от времени его пальцы тянулись к мобильнику, задумчиво поглаживали гладкий корпус, но разблокировать экран он так и не решался.

Юй Сьюань лишь мысленно вздыхал, глядя на эти безмолвные терзания. Ему безумно хотелось рывкнуть: «Да напиши ты уже кому надо и спи спокойно!». Прошло немало времени, прежде чем Юй Сьюаня наконец начало клонить в сон. Глаза уже слипались, сознание медленно уплывало в небытие, как вдруг в тишине раздался негромкий голос кузена:

— Сяо Юань.

Сонливость как ветром сдуло. Юй Сьюань резко подобрался. Детское домашнее имя кузен перестал использовать сразу после того, как тот устроил бунт, совершил каминг-аут и громогласно объявил себя взрослым и независимым мужчиной. Услышать его сейчас, посреди ночи... От этого внезапного доверительного тона по спине пробежали мурашки.

— Да, брат? Что случилось?

Ответ заставил себя ждать так долго, что Юй Сьюань едва снова не провалился в дрему. Цзян Цютун медленно поднял руку и прижал ладонь к груди. Воспоминание о том дне, когда Цзи Яо с грохотом захлопнул за собой дверь его квартиры, отозвалось внутри вполне осязаемой, тягучей болью.

В темноте его тихий, холодный, точно зимний лунный свет, голос прозвучал удивительно отчетливо:

— Кажется, я влюбился.

Он сделал короткую паузу, словно взвешивая каждое слово:

— Он мой студент. Моложе меня больше чем на десять лет. И он мужчина.

Юй Сьюань долго молчал, уставившись невидящим взглядом в темноту. Наконец из его груди вырвался глухой стон:

— Ну всё... Нам крышка.

— Что? — не понял Цзян Цютун.

— Теперь вся родня решит, будто это я совратил тебя и затащил в эту голубую трясины, — замогильным тоном отозвался Юй Сьюань, мысленно прощаясь с жизнью. — Ты же у нас образцовый старший внук, надежда всей династии Цзян... Отец меня просто закопает.

Лицо его в темноте выражало крайнюю степень отчаяния. Похоже, перспектива остаться со сломанными ногами снова превращалась из шутки в суровую реальность.